

ВЕЛИКАЯ СМУТА

Исторический роман-хроника

СВЯЖСКОЕ СИДЕНИЕ

(7115 год от С. М. — 1606 год от Р. Х.)

I

Со времени осады и взятия русскими Казани не знал Свяжск такого наплыва народа. Стены крепости, построенные для обучения московских ратников похожими на казанские, обветшали со временем изрядно, но видом своим по-прежнему вызывали страх у кочующей мордвы и татар, берегли спокойствие жителей городка.

И тут вдруг, словно саранча из пустыни, прибыли лихие казаки терские, вошли без стука, без окрика, как входит хозяин к себе в дом. А за ними потянулась и мордва, и чуваша, и татары. Прошел слухок, что с реки Яик какие-то другие казаки идут...

Приплыла рать на своих стругах аж из-за Астрахани. Против течения гребли, а кое-где веревками, будто бурлаки, за собой лодки тянули. Городов не грабили, не жгли, но во всяком, где останавливались, объявляли, что с ними идет племянник царя Димитрия, сын покойного царя Федора Ивановича, царевич по имени Петр. Требовали на прокорм пищи изрядное количество. А еще стада скотины гнали за ними по правому берегу Волги другие казаки — астраханские да царицынские.

Дивился народ свяжский да поволжский появлению у покойного Федора Ивановича взрослого сына. Слушали историю чудесного спасения и долгого блуждания по Руси царевича под чужим именем, внешне высказывали веру рассказанному, но в душе да в тиши собственных домов посмеивались. Были среди них и такие, что видели этого самого Петра раньше и узнавали в нем бывшего наемного работника на купеческих стругах, даже по имени называли — Илейка Коровин, байстрюк муромский.

А он и не отнекивался. Признавал, что действительно под именем таким и под такой легендой скрывался от Годуновских шишей, ибо так предназначено было судьбой ему — мыкать горе вместе с простым людом, жить его заботами и чаяниями. И уж после, когда он воссядет рядом с дядей своим на московский престол, переменит жизнь на Руси так, что всем станет жить на ней одинаково и вольно.

«Хорошая сказка... — качали головами старики. — Но не было такого на земле и никогда не будет...»

А молодые слушали, раскрыв рты, просили новоявленного царя племянника взять их с собою в Москву, бояр-лиходеев жизни лишать, справедливость для всех народов Руси добывать.

Набралось в войско Илейки тысяч до десяти ратников, не считая обоза. Заселили они весь Свяжск, окружили диким табором из кибиток да юрт татарских. Цены на хлеб и прочую снедь взвинтили так, что и зажиточному горожанину не прокормиться стало, впору ноги протягивать.

Роптать стали свяжцы: «На что нам завтрашня свобода и довольствие для всего народа, коли нам сегодня из-за вас жрать нечего?»

Тут главный воевода казачьего войска Болдырин и объявил на Торгу:

— Ждем мы согласия государя нашего Димитрия Ивановича на встречу его с Петром Федоровичем. Как будет гонец с вестью из Москвы, так сразу и уйдем из города. Но покуда нет гонца, покуда объедаем мы город Свяжск, повелел государь Петр Федорович из каждой сотни отобрать по десять человек и послать их на реку Воронеж за хлебом.

Десятая ли часть воинства казацкого покинула город, больше ли, меньше — неизвестно. Только вот чужих людей в Свяжске заметно поубавилось, да и юрт меньше стало. А дней пять спустя даже хлеб подешевел.

Но бедный люда по-прежнему питался чем Бог пошлет...

А Бог посылал лебеду при дорогах высокорослую, на выгонах — белые головки клевера, которые ране лишь сластены-малыши пожевывали, а сейчас и старики не гнушаются к ним наклониться. Еще были редиска да лук на огородах.

Но Господь милостив... Прошли-закончились с приходом казаков мочливые дожди, солнце прогрело землю, и в пролесках, что протянулись от реки Свяги, повылазили грибы разные. Правда, не те лесные, что жарятся со сметаной и сытость придают на целый день, а луговые, поплоче, но поурожаистей. Даром что татарва грибов не ест, свяжские жители ими от голода спасались.

Печалились о том лишь, что рожь уж заколосилась — главная примета, пора первые укусы травы делать, а ближние луга казачьими конями потравлены. Коли до конца июня достоит казачья рать в Свяжске, не быть свяжцам с сеном на зиму. Мясa, конечно, будет по осени вволю, а вот к концу зимы людам станет хоть помирый...

Тут уж старики вздыхали особенно глубоко и посылали мальцов на колокольню — смотреть в сторону Москвы, не скачет ли там гонец царский.

Почему-то казалось всем, что гонец Дмитрия Ивановича будет сразу отличен от всех прочих путников на дороге. Не знали, чем — золотой ли, серебряной ли одеждой, сапогами ли красными, конем лихим — но были уверены, что только увидят — сразу поймут, что гонец этот мчится с царской милостью.

2

Много набралось в Свияжске всякого роду-племени. Как в Вавилоне каком, со всех концов Руси. Были такие встречи, что о них потом целые легенды ходили...

Так, в кабацкой драке один мужик убил зарвавшегося юнца, а после на груди его обнаружил редкой работы ладанку и, признав в мертвом давно потерянного сына, порешил бедолага себя ножом в сердце.

Другой раз, рассказывали, муж обнаружил бежавшую от него пять лет назад жену. Оказалась та стервь супругой богатого торгового гостя. Сошлись на полугривне серебра старинного литья, и баба осталась за купчиной.

А уж разбойников всяких, промышлявших в годуновские времена на больших дорогах да на сакманах, узнавали здесь десятками. Бывало, что совали такому нож в пузо, а бывало, что и получали от такого кистенем в лоб. Но чаще споры решались добротными поединками — и воля Божия ясна, и народу потеха. Лишь малая часть людишек трусливых, Божьего недогляда боящихся, обращалась за помощью к воеводе Болдырину либо к самому царевичу.

Как раз купчик тот свияжский, что выкупил за полгривны чужую жену, узнал в одном из казацких сотников разбойного атамана Ефима с Сулы, пограбившего его четыре года назад в тамбовских лесах.

Сам Ефим лишь скользнул взглядом по лицу купчика да позавидовал мимоходом его добротному кафтану и сытой морде.

А купец, узнав разбойника, поспешил за ним незаметно, прячась за спинами без дела толкущегося на деревянных мостках люда. Прошел по Царской улице, где дома стояли широко, заборы да ворота были высокими, свернул на Басманную улицу, короткую, но тоже деревом мощенную, с колодезным срубом посреди. Проследил за тем, как Ефим напился остатками воды из привязанной к вороту бадьи и пошел к спуску на Свягу. Там, держась за поручни, спустился по оклизым от мха и грибов, врытым в землю, как ступени, бревнам к раскинувшемуся вдоль реки Подолу.

Сверху купцу было видно, что свернул Ефим в какой-то из тамошних переулков и исчез. Самому же купцу спускаться в Подол было не по чести. Да и побоялся он, что увидит его Ефим, узнает, а если не узнает, то заподозрит и... Купца передернуло от мысли, что сотворит с ним знаменитый когда-то на всю Сулу атаман.

Вернулся домой. Там под ночь и рассказал жене, как встретил в центре города давнишнего недруга. Рассказал наедине, уже лежа в постели, в темноте, получив отказ от ласки. Говорил и при этом прислушивался к шорохам за стенами, унимая дрожь в руке лишь прикосновением к упругому женскому бедру.

— Он сам-то тебя узнал? — спросила жена просто так, лишь бы не молчать. Глаза ее слипались, страх мужа казался непонятным.

— Н-нет, — ответил он не совсем уверенно.

— Ну и забудь, — посоветовала она и, положив голову ему на плечо, смежила веки.

Но купцу не спалось. Он думал о том, что долг его перед государем состоит в том, чтобы сообщить дьякам о разгуливающем свободно по городу разбойнике.

Про грехи Ефима купец знал премного. Свои обиды за потерю пятерых лошадей, семнадцати мешков с мукой и трех возов пеньки считал первейшими. Про то, что в одном нападении Ефим взял грех на душу и убил приказчика, помнил тоже, но без особой горечи. Как, впрочем, не переживал и о том, что другой купец, тоже свияжский, тоже перекупающий товары волжские с тем, чтобы потом их в Диком Поле перепродать, был за строптивость свою вконец разорен Ефимом, ибо напал разбойник на его лабазы в болотах пензенских и пожег их.

Думал купец об этом, думал да и спросил жену:

— К боярину идти или к царевичу?

Жена вздрогнула и, не проснувшись еще как следует, переспросила:

— Что?.. Что ты сказал?

— К воеводе, спрашиваю, идти со словом о разбойнике? Или лучше сразу к Петру Федоровичу?

Воеводу свияжского, хоть нынешний был и не боярского чина, горожане с давних пор, когда Свияжск служил напоминанием татарам о победе над Казанью, называли меж собой боярином. Приходили воеводы один за другим сюда на кормление — их называли боярами и даже по имени не запоминали.

А вот к пришедшему из Астрахани Петру относились по-разному: то царенышем назовут, то по имени-отчеству, то самозванцем, а то и государем — как кому угодно. Даром что царевич и сам по такому случаю жалоб не принимал, говорил, что судьба его в руках Дмитрия Ивановича да самого Господа — им и судить, как называть Петра Федоровича.

Жене купцовой пришлось с дремотой расстаться. Не любила она упоминаний самозванца. Все слышала в том укор себе, дважды замужней и, как овца какая, перекупленной.

— Забудь, — повторила она, понимая уж, что говорит безнадежное. — Он же не узнал.

— А как завтра узнает?

И она почувствовала, как рука, обвинившая ее плечи и грудь, дрогнула и потеплела. И голос такой бывал у него лишь тогда, когда он принял решение. Не раздумывал, не сомневался, а именно принял — умное ли, глупое ли, но решение окончательное. Спорить с ним, отговаривать всегда-то оказывалось бессмысленным, ибо менять решение он не соглашался, потому что считал, что этим самым теряет достоинство, хоть даже в своих собственных глазах.

Надо, решила она, вызнать о его задумке незаметно, а уж после, словно ненароком, обронить подсказку — и, услышав собственную же мысль, высказанной уже мужем, восхититься его умом, сказать лестное. Поэтому она поплотнее прижалась к купцу всем телом, зная, что тесное соприкосновение делает мужа мягким, и спросила:

— Ты накажешь его?

«Накажешь» — это не «отомстишь». Это не уравнивает купца с разбойником, а возвышает его, от слова такого он выглядит в глазах своих сильным.

— Я знаю, он в Подоле живет, — не поддался купец.

— В Подоле? — решила удивиться она, хотя только что слышала, как муж живописал свою слежку за разбойником. — Откуда знаешь?

— Знаю, — ответил он, и в голосе его она уловила самодовольство.

— Ты у меня умный. Зачем тебе связываться с Подолом?

Люди Подола не раз уж показывали свою силу. Шалая от ненависти к Купеческому посаду и к родовитому кремлю голытьба семнадцать раз поднимала гиль в городе, грабила да ломала лавки и амбары торговых людей, лила невинную кровушку. Купцы в голодные годы, понимая, что надо поступиться малым, дабы сохранить основное, из своего кармана кормили именно Подол, посылая вместе с раздатчиками хлеба крикунов, славящих купеческую щедрость.

Мягкие губки красавицы тронули жилку на шее купца.

— Бьется... — ласково произнесла она. — Как тогда...

Мысли мужа, знала она, перекинутся на воспоминания об их первой встрече...

Купец увидел ее на судне одного персидского гостя, везущего русских рабынь из Нижнего Новгорода в Персию. Обещанных полоняных денег¹ за них перс не получил, а «охранная грамота» царя для него и его «товара» все еще продолжала иметь силу по всей Волге. Купец спросил цену рабыни — и тут же срядился выкупить ее.

Но баба оказалась подстать своей красоте, с характером. Она отказалась уходить с купцом со струга, а, едва освободившись от пут, выскочила на самый нос судна и закричала, обращаясь к стоящим у причала рыбакам да стрельцам:

— Что же вы делаете, православные? Пошто перса с людьми русскими на чужбину отпускаете? Разве добром они попали в басурманскую неволю? В злом бою татарами да ногайцами захвачены. Проданы, как скот, сарацинам да персам. Освободите нас силой, как силою захватили они нас!

Докричала свое, отбиваясь от полуголых мусульман с мечами на поясах, а после, оказавшись ими схваченной и отданной опять купцу, заплакала.

Вот этих-то слез нижегородские рыбаки и не выдержали. Повалили с причала на палубу персидскую, иноверцев в воду пошвыряли, а пленных рабов освободили. Царскую же грамоту персу тому в рот воткнули да заставили проглотить.

А стрельцы стояли на берегу и смеялись. О нарушении государева повеления никто воеводе так и не донес.

Рабыня приняла притязания купца здесь же. Но только после того, как купец предложил ей венчаться. В дом его свияжский вошла со страхом, дрожа всем телом, что стало самым сладким из их семейных воспоминаний...

— Слышала я, что царь Димитрий чтит родную кровь. Нагих в боярские чины возвел, мать окружил почетом и холой.

Главное было произнесено. Но, чтобы не заострять внимание мужа на подсказке, продолжила:

— Вчера сын твой мамой меня назвал. Препную, должно быть, забывает уж...

Купец лишь промычал в ответ.

Завтра, знала она, пойдет муж к Петру Федоровичу, а не к воеводе. Воевода ведь стоял в дальнем родстве с прежней женой ее мужа, брака их не одобрял.

«А до цареньша — как до Бога... — подумала она, засыпая. — Походит, походит да и поуспокоится...»

3

Но купцу повезло. Принял его царевич. Услышал шум в сенях воеводских палат, где поселился по приезду в Свияжск, да и вышел сам на голоса.